

Глава 1

Цзи Чжицю вдруг отчаянно захотелось плакать.

Казалось, еще секунду назад он болтал с соседом по двухъярусной кровати в общежитии, предвкушая прекрасное будущее, а в следующую — перенесся на пять лет вперед и превратился в усталого, скучного мужчину средних лет.

Ну за что ему такое проклятье? Неужели он избранный неудачник всея вселенной?

Но беда не приходит одна. Вскоре он обнаружил, что живет внутри книги.

Судя по всему, главный герой этой книги сейчас был всего лишь крошечным эмбрионом. Зато трое его сыновей-младенцев должны были вырасти и стать заклятыми врагами протагониста, то есть главными злодеями. А его, их отца-горемыку, ждала незавидная участь: сначала унижения и издевательства от собственных отпрысков, а затем, когда его втянут в водоворот борьбы, — мучительная смерть.

Впрочем, в оригинальном сюжете он и сам был не подарком: эгоистичный, несправедливый отец, по чьей вине его трое сыновей и выросли с искалеченными душами, превратившись в злодеев.

За те несколько лет, что выпали из его памяти, всё шло строго по книжному сценарию. Ошибки уже совершены, и ничего не исправить. Осознав это, Цзи Чжицю помрачнел еще больше и от тревоги принялся трясти ногой.

У него впереди еще целая жизнь, полная радостей и безумств, и он совершенно не собирался заканчивать ее так бесславно!

Он должен воспитать своих троих сыновей правильно. Сделать их образцовыми юношами новой эпохи — с высокими моральными принципами и здоровой психикой. А еще — избежать ключевых сюжетных поворотов, не дать им встретиться с главным героем и стать теми самыми злодеями.

Сказать легко, а сделать... Сделать тоже непросто. Взгляд Цзи Чжицю стал серьезным. Он инстинктивно огляделся по сторонам в поисках чего-то и, наконец, найдя то, что искал, решительно поднялся и зашагал вперед.

...

Когда он снова пришел в себя, то обнаружил, что стоит с мороженым в руке. На его лице отразилась вселенская скорбь, и захотелось лишь хлопнуть себя по лбу и тяжело вздохнуть.

Ну как так можно? Каждый раз, когда перед ним вставала важная и срочная задача, его мозг, словно по команде аварийного отключения, заставлял его делать что-то совершенно постороннее.

Сейчас самое время есть мороженое?!

Хотя... раз уж взял, надо съесть. Для храбрости.

Хе-хе, а вкусно. Освежает.

Цзи Чжицю рухнул на диван с выражением мученика на лице, что, впрочем, ничуть не мешало ему с жадностью поглощать мороженое. Сладкий вкус на языке, казалось, исцелял его израненную душу.

Прикончив лакомство, он и впрямь почувствовал себя гораздо спокойнее. Поднялся и направился к кабинету.

Но стоило ему подойти к двери, как та вдруг сама приоткрылась, оставив узкую щель.

Из-за двери выглянул маленький мальчик ростом ему по колено.

Малыш, похоже, только что проснулся. Мягкие волосы торчали во все стороны, несколько прядей задорно взмывали к потолку. На пухлой щечке алел след от подушки, а в уголке рта подозрительно блестела слюнка.

На нем была пижамка с кроликами, подол которой прикрывал попу, отчего две коротенькие ножки, похожие на морковки, казались еще короче. Пухленький, словно мультяшный персонаж, он выглядел невероятно мило.

Цзи Чжицю замер на месте, широко распахнув глаза.

Хотя он и был к этому готов, но только сейчас по-настоящему осознал:

«А-а-а-а, да я же сам еще ребенок! Как так вышло, что я уже воспитываю детей?!»

В голове у него царил полный хаос. Он несколько секунд молча смотрел на малыша, потом мышцы на его лице непроизвольно дернулись, и он выдавил из себя улыбку.

По привычке сменив голос на сюсюкающий, он присел на корточки.

— Малыш...

Милый ребенок, который до этого сонно тер глазки и растерянно смотрел на него, вдруг резко вскинул голову и завопил во все горло:

— Уа-а-а-а, я тебя ненавижу, плохой папа!

Цзи Чжицю: «...»

Звук был настолько пронзительным, что, казалось, вот-вот пробьет барабанные перепонки. У Цзи Чжицю запульсировали виски.

Суций дьяволенок!

Он выпрямился и со сложным выражением лица уставился на ревущего ребенка. Не имея ни малейшего опыта, он понятия не имел, что делать в такой ситуации.

Цзи Яньянь продолжал вопить, хотя из глаз его не выкатилось ни единой слезинки. Вероятно, возмущенный тем, что Цзи Чжицю не бросился его утешать, он с размаху плюхнулся на пол и, словно перевернутый на спину краб, принялся сучить ручками и ножками, не переставая голосить:

— Это мое мороженое, тебе нельзя его есть!

Цзи Чжицю нахмурился.

«Ах ты, сопляк! Это твой папочка его купил! Я могу хоть весь холодильник съесть, а ты и слова против не скажешь!»

Глядя на катающегося по полу сорванца, он почувствовал, как закипает голова.

— В холодильнике еще много, — бросил он небрежно. — Встанешь — дам тебе кусочек.

Но несносный ребенок вошел в раж. Воспользовавшись моментом, он подскочил и ударил его кулаком в живот, пытаясь заставить выплюнуть съеденное.

— Отдай! Это мое, мое!

Возможно, это был и непреднамеренный жест, но такая злоба в трехлетнем ребенке заставляла задуматься.

Лицо Цзи Чжицю медленно леденело. Взгляд его несколько раз менялся, и через пару секунд он снова присел на корточки. На его лице расцвела ослепительная улыбка. Черты его были

настолько красивы, что могли ввести в заблуждение кого угодно. Он выглядел почти нежным.

Сорванец решил, что отец наконец-то сдался и сейчас начнет его утешать. Он уже было задрал нос, предвкушая победу, но тут Цзи Чжицю высоко занес руку.

— Малыш, не хочешь мороженого со вкусом оплеухи?

Сорванец: «???»

Трехлетнему мозгу не хватило мощности обработать информацию. Он растерянно моргнул, даже забыв плакать.

— Мороженое со вкусом оплеухи? А что это? Я такое еще не ел.

— Очень вкусное, — улыбка сползла с лица Цзи Чжицю. Взгляд стал строгим, а голос — своим, без сюсюканья. Он быстро и точно схватил мальчишку за шиворот и без малейшего труда поднял этого маленького толстячка на ноги.

Ребенок, внезапно потеряв равновесие, принялся махать в воздухе короткими ручонками. Он уже набрал воздуха, чтобы завизжать, но Цзи Чжицю остановил его одним пальцем.

Он ткнул пальцем ему в нос и сурово произнес:

— Сейчас я дам тебе попробовать мороженое со вкусом оплеухи. Становись ровно, попу оттопырь. Не заставляй меня применять силу!

Сорванец окончательно опешил. Он молча смотрел на Цзи Чжицю, и в его больших глазах вместо привычной самоуверенности промелькнул страх.

За каждым несносным ребенком стоит потакающий ему родитель.

Раньше он безгранично баловал сына, исполняя любую его прихоть. Стоило малышу заплакать, как отец тут же начинал извиняться и утешать. Со временем ребенок привык к своей безнаказанности и совершенно забыл, что такое страх.

Но теперь Цзи Чжицю вел себя иначе. Его суровый вид подействовал. У трехлетнего ребенка не было ни сил, ни хитрости, вся его уверенность держалась на родительском попустительстве. Малейшее изменение в поведении отца — и вся его храбрость испарилась.

Но сорванец есть сорванец. Даже испугавшись, он продолжал упрямиться. Надув губы, он громко крикнул:

— А вот и не буду!

Цзи Чжицю без колебаний стянул с него штаны.

Он хотел было сохранить ребенку остатки достоинства: если бы тот послушно принял позу, он бы просто шлепнул его пару раз через штаны. Но раз уж тот сам напросился...

Цзи Чжицю шлепнул его по голой попе.

Малыш был домашним императором, его кормили и одевали как принца, отчего он вырос пухленьким, с нежной кожей. Мягкая попка от шлепка пошла волнами.

У Цзи Чжицю зачесались руки. Он украдкой ущипнул его за ягодицу — на ощупь как упругое желе. Чтобы скрыть этот фривольный жест, он шлепнул его еще раз.

Ребенок почувствовал боль. словно ему перекрыли кислород, он перестал плакать и замер, забыв даже моргнуть.

Цзи Чжицю убрал руку, довольный эффектом.

Он не был сторонником физических наказаний, но особые случаи требовали особых мер. Пара шлепков в такой ситуации действует куда лучше нравучений. Только почувствовав боль, он запомнит урок.

К тому же, он шлепнул совсем несильно. На белой попке не осталось даже красного пятнышка.

Цзи Чжицю счел себя верхом щедрости. Ребенок хотел мороженого — он дал ему целых два, пусть и со вкусом оплеухи.

— Нравится? — с ехидцей поинтересовался он.

Цзи Яньянь втянул шею, его влажные глаза испуганно моргнули.

— Н-не нравится.

— Тогда, может, еще хочешь?

Цзи Яньянь замотал головой как волчок и попятился назад.

Воспитывать нужно по горячим следам. Цзи Чжицю скрестил руки на груди и холодно

посмотрел на сорванца сверху вниз.

— Мы семья, и хорошими вещами нужно делиться. Они не принадлежат только тебе. И чем громче ты орешь, тем меньше получишь. Понял?

Раньше ребенок ни во что не ставил отца, и их общение сводилось к его капризам и истерикам. Услышав это, он надул губы и уже хотел было возразить, но, встретившись с холодным, серьезным взглядом Цзи Чжицю, инстинктивно ощутил страх и тут же захлопнул рот.

По его детскому личику медленно расплзлась обида. Он закусил нижнюю губу, не смея издать ни звука, а в круглых глазах заблестели слезы.

Ребенок был до того мил, что Цзи Чжицю едва сдержался. Он кашлянул и нарочито низким голосом произнес:

— Говори!

— Я... я больше не буду, — всхлипывая, прошептал Цзи Яньянь.

Только тогда Цзи Чжицю кивнул и великодушно объявил:

— Ладно, проехали. Надевай штаны.

Цзи Яньянь присел и пухлыми ручонками неуклюже принялся натягивать штаны.

Его маленький мозг не мог подобрать слов, чтобы описать свои чувства. Натянув штаны, он запрокинул голову, шмыгнул носом и упрямо сдержал готовые хлынуть слезы.

Он хотел было сердито посмотреть на Цзи Чжицю, но, подавленный его авторитетом, трусливо отвел взгляд. С понурым и обиженным видом он сжал маленькие кулачки и поджал губы.

Цзи Чжицю с усмешкой приподнял бровь, наблюдая за этой картиной.

Его третий сын в детстве был несносным ребенком, в школе — главным задирой, а повзрослев — властным тираном, отбирающим чужое. Но в конечном счете его типаж — Лун Аотянь.

В такой ситуации обычно срабатывает стандартная программа:

Взгляд горит праведным гневом, кулаки сжаты, подбородок задран, и звучит бессмертная фраза: «Тридцать лет на восточном берегу, тридцать лет на западном, не смейся над бедностью юнца!»

Вот только Цзи Яньяню было всего три года, и из-за недостатка образования он, помучившись, выдал лишь вот что: подняв свое пухлое, по-детски нежное личико и глядя на Цзи Чжицю заплаканными глазами, он тоненьким голоском изрек свою угрозу:

— Папа плохой, я с тобой больше не разговариваю!

<http://bllate.org/book/13428/1195558>